Захар Прилепин

Захар Прилепин

ПИСЬМА С ДОНБАССА

ВСЁ, ЧТО ДОЛЖНО РАЗРЕШИТЬСЯ…

хроника идущей войны

Издательство АСТ
Москва
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)
П76

Иллюстрация на переплёте — Екатерина Бычкова
(студия дизайна Parovoz Art Space)

Макет обложки — Андрей Ферез

Прилепин, Захар

П76 Письма с Донбасса. Всё, что должно разрешиться... : хроника идущей войны / Захар Прилепин. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 534, [10] с. — (Захар Прилепин: публицистика).

ISBN 978-5-17-103248-7

В книге «Всё, что должно разрешиться» Захар Прилепин выступил не как писатель — но как слушатель и летописец, военкор и поставщик гуманитарной помощи на Донбасс, майор армии ДНР и советник главы республики Александра Захарченко.

Перед вами — «Письма с Донбасса», расширенное и значительно дополненное издание первой хроники войны на Донбассе.

Кто первым взял в руки оружие и откуда оно взялось. Как появился на Украине Моторола. Кто такой Захарченко и чего от него ждать. Как всё начиналось — и чем закончится. Книга охватывает события с начала киевского Майдана вплоть до очередного военного обострения 2017 года и всех новейших событий на Донбассе.

Концентрированная и сухая правда о донбасской войне: многое из написанного тут вы не слышали никогда — и едва ли бы узнали, если б не эта книга.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-103248-7

© Захар Прилепин
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 7
Часть первая. Pro Донбасс 9
Приложение. Женщины Донбасса 161
Часть вторая. Час «Ч» Захара 219
Приложение. Мужчины Донбасса 313
Часть третья. Донбасс приходит за своим 375
Приложение. Письма с Донбасса 455
Эпилога не будет 523

ОТ АВТОРА

Эта книга про Донбасс и за Донбасс.

В этой книжке нет или почти нет меня: мой личный Донбасс останется за кадром.

Моя роль здесь — слушатель и наблюдатель.

Главные персонажи книги — те, кто пережил эту историю и сделал её сам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
PRO ДОНБАСС

На Донбассе купола церквей — тёмные. Гораздо темнее, чем в большой России, здесь.

Тёмное золото, будто бы замешенное с углём. Едешь на машине по Донецкой народной республике — и видишь: то здесь, то там вспыхивает тёмный купол.

Очень много разрушенных православных храмов. Наверное, надо пояснить, что стреляют по ним с той стороны — артиллерия, миномёты или танки Вооружённых сил Украины.

Порой храм стоит на открытом пространстве, его видно издалека, как единственный головастый цветок на поле.

— Это не случайное попадание, — говорит мне мой спутник. — Часто осмысленно били именно в храмы.

Если быть точным: только на территории Донецкой республики разрушено во время войны семь-

десят православных храмов. Пусть кто-нибудь попытается доказать, что это случайное совпадение.

Мы выехали с утра в компании главы Донецкой Народной Республики Александра Захарченко в кои-то веки не по делам боевым, а с мирной целью — вручить ключи от новых квартир жителям Дебальцево: там возвели 111 новых, очень симпатичных, домиков.

Неожиданно звонят на мобильный заместителю главы, с которым мы едем в его потрёпанной «Ниве». Есть информация, что по дороге может быть покушение на главу. Убить Захарченко — безусловная мечта для многих.

Информацию тут же передали главе и его начальнику охраны. Надо было отменять поездку.

Через три минуты от Захарченко передали: нет, едем. Просто сменим маршрут.

Маршрутов всегда закладывается несколько, каким именно поедет глава, не знает до последнего момента почти никто, или вообще никто — потому что за минуту до выезда сам Захарченко может принять новое решение.

В этот раз решение его — парадоксально. Мы должны были ехать в Дебальцево, делая серьёзный крюк, — чтоб держаться подальше от передовой. Но Захарченко то ли забавляется, то ли доверяет своему чутью: и мы летим по трассе, которая проходит ровно по передку.

— Вон дом видишь? — показывает мне зам главы. — Там украинские снайпера сидят. А вон их позиции... Вон в той зелёнке они тоже есть...

Но здесь нас, похоже, вообще не ждали.

На улице — солнечный декабрьский денёк, всё кажется безоблачным и мирным.

Я смотрю на купола и вспоминаю, где уже видел этот тёмный свет.

* * *

Захарченко не курит только под капельницей. Когда нас познакомили — он не курил.

Раздетый по пояс, лежал на диванчике, в комнатке за своей приёмной. Рядом, за столом, сидели врач и медсестра, тихие и тактичные женщины.

Подкапывала какая-то животворящая жидкость, сразу из двух банок.

Разговаривая, Захарченко время от времени недовольно поглядывал на эти банки, ему казалось, что всё происходит слишком медленно.

Потом я заметил, что ему так кажется всегда: жизнь должна двигаться быстро — нестись с такой скоростью, чтоб трава склонялась по пути.

Наконец, его отцепили от склянок, он быстро встал и начал одеваться в свою почти неизменную «горку», которая, ничего не поделаешь, идёт ему куда больше костюма и даже парадного кителя.

«Горка» была выстиранная, опрятная, но явно поношенная.

— Ты всю войну в ней прошёл? — спросил я. Прилюдно я буду обращаться к нему на «вы»; в неофициальной обстановке на «ты».

— А по ней видно. Зашитая-перешитая, подрянаная, потёртая. Её от пота, и от крови стирали.

Когда в меня пуля попала, мне распороли штанину; потом зашили. И в берцах в этих я тоже всю войну проходил. Вот заплатку на берцах поставили — наши мастера сапожники.

Последний раз Захарченко был ранен в ногу, пуля прошла над самой пяткой — он заметно прихрамывает.

«Надо же, — думаю, — оставил старые берцы».

Не очень понятно: ходить в простреляннных берцах — это суеверие, или, что ли, бравада, или ещё что-то; может, просто берцы жалко.

— Поменяешь форму?

— Конечно, одену новую.

— Когда войны не будет?

Захарченко вешает на ремень нож, он всегда с ножом, и, быстро подняв взгляд, секунду смотрит на меня:

— Войны не будет? Будет. Как начиналась Вторая мировая? Тоже с таких вот непонятных конфликтов: то Польша, то Чехословакия, то Финляндия, то ещё что-то. А тут Донбасс, тут Сирия. Давайте смотреть правде в глаза. Мы сейчас врубимся по полной программе. Уже врубились. Исходя из опыта истории пройдёт два–три года — и мы сцепимся. Всё, что должно решиться кровью и железом, оно решится кровью и железом, и больше ничем. Ты не сможешь убрать из СБУ* 70% ЦРУшников без применения силы. Ты не сможешь убрать из их Минобороны всех заезжих советников. — Захарченко за-

* Служба безопасности Украины.

тягивает ремень, и уже по дороге в свой кабинет договаривает:

— Всё, что должно решиться войной, рано или поздно ею решится. Любая драка должна завершиться чьей-то победой или поражением. Если мы решим случившееся миром, то и я, и 90% из тех людей, которые здесь остались, — все мы будем считать, что у нас украли победу. А те, которые там, — как они будут воспринимать нас? Если у них неправильное правительство, которое выбрало себе не тех союзников, и армия их неправильно себя вела, — это не может так закончиться, как сейчас. Мы с людьми на другой стороне — одной крови, и здесь не может быть выигравших и проигравших. Если ты нёс слова правды и проиграл — значит, возвращайся на другую сторону и стань победителем.

Я слышу в словах Захарченко противоречие: если нет выигравших и проигравших, то как можно стать победителем, но вместе с тем понимаю, что никакого противоречия здесь нет: потому что он не говорит о победе над собственным народом.

— Возврат в нормальную жизнь должен сопровождаться изменением ценностей, — быстро говорит Захарченко, у него вообще быстрая речь, он словно не поспевает за своей мыслью. — Невозможно понять, что ты сильнее, пока не определишь, что ты сильнее. Пока ты сапогом своим не наступишь на горло и не скажешь, что я сейчас могу своим сапогом передавить тебе шею, либо я убираю